

А.А. Демидов

Таинственная прелесть увяданья

* * *

Отстав от жизни безнадежно
еще надеюсь на успех,
хотя, позвольте, разве можно
быть курам лапчатым на смех?
жевать тургеневские бредни,
давясь московской духотой,
иль вспоминать середь обедни,
что жил когда-то Лев Толстой?
вздыхать о «бронзовом солдате»,
не помня об имперском зле,
о «светлом пролетариате»,
«мещанском рае на земле»?
тревожить тень былого века,
дуть на коптящую свечу;
роль пахаря и дровосека
казалась многим по плечу,
все что-то строить в упоенье,
забыв о том, что без сапог,
и в кабаке, презрев смиренье,
судить, а есть ли в мире Бог?
все это было, было, было...
а время рвется из тенет
туда, где нравственности нет,
где чувство гордое остыло
туда, где на исходе дней

в закат без признаков рассвета
мир, полный призрачных теней
неудержимо катит в Лету...

* * *

Опять живу на чердаке
и созидаю дачный терем,
топор и гвозди в кулаке
не забываю и в постели,
весь день в заботах ни о чём,
в который раз бастует Сухов,
жена воркует с батраком,
истошно дочь вопит на внуков,
они растут день ото дня
и суетятся под ногами,
батрак и зять скрипят зубами,
едва посмотрят на меня,
и снова ветер без конца,
и каждый день в семейном рабстве,
заботы деда и отца,
куда ж податься, рад стараться...

И одинокость вечеров,
и память горестей незряшных,
тоска, и ненависть домашних,
моих недремлющих врагов...
Ночные звезды надо мной
плывут в старинном хороводе,
но все не вечно, все проходит,

и скоро буду я с тобой

* * *

Когда на сердце хмуро,
когда дожди идут,
Петрарку и Лауру
я вспоминаю тут,
в лазоревых пространствах
покой и тишина
под небом итальянским,
где вечная весна,
а здесь - бурьян на грядке,
дожди идут опять,
дни облачны и кратки,
не больно умирать....

* * *

Я - бесконечная идея
в обличье мяса и костей;
освобожусь от них скорее,
чтоб возвратиться в мир идей,
в тот мир, где строгое стремленье,
где нет ни страхов, ни страстей,
где светит солнце, и сомненья
не мучат духов и людей,
да, плоть и кровь меня связали,
не в радость путь мой был мне дан,
исполнен боли и печали,

сижу как странник на вокзале,
сжимая ветхий чемодан,
чтоб напоследок не украли...

Пора? А может не пора?
Меня смущает участь злая:
всю жизнь - то будто умирать,
то оживать, не умирая,
то вслед бессмысленной вражде
смотреть с презрением беспечным,
то вечно думать о тебе,
то забывать тебя навечно,
то в исступлённом мятеже
пороть любовную горячку,
то биться в кровь на вираже,
то вновь впадать в глухую спячку...

Как на картине жизнь моя
скользит, едва цепляя душу,
как будто я - уже не я,
и вновь обрёл родную сушу,
как будто греюсь у огня,
встав на прикол у старой верфи,
а ты всё дальше от меня,
воздушнее и эфемерней...

Не сам ли я тебя создал?
Из небытья извлёк на ветер?
Где стар и млад, велик и мал
плетут кармические сети,

чтобы в них запутаться самим
и вырываться в исступленье?
Ни разу не был я любим
и не остановил мгновенья;
они любили не меня,
а что-то внешнее, мясное,
с повадкой рыжего коня,
самолюбивое и злое,
любили лишь издалека,
лишь голос, запахи и тело -
оно увяло, постарело
и ждёт последнего звонка,
оно становится чужим,
а я внутри и полон силы,
хочу я снова быть твоим,
хочу, чтоб ты меня любила.
и, взяв как пёс твои следы,
лечу по ним до поздней ночи...
Люблю ли я?
Или охочусь
под свет Рождественской звезды?

Ушла счастливая звезда,
пора безумная минула,
я снова стар, как никогда
и... чуть не падаю со стула...
И снова козни Орденков,
друзей иудино лобзанье,
сухая ненависть врагов,

и назиданья дураков,
и бесполезные терзанья,
и прах поруганных могил,
и вечный зов из-за порога,
как будто не хватает сил
уйти, не подведя итога,
уйти, не завершив дела -
песчинки мелкие в сосуде,
а голова - почти на блюде,
ждёт, чтобы ты за ней пришла...

Я - безначальная идея
в обличье мяса и костей,
я в теле постепенно зрею,
чтоб возвратиться в мир идей,
подобно бабочке крылатой
я воспарю над естеством,
взойду туда, где был когда-то,
вернусь туда, где я знаком,
был, буду, есмь –
я весь - движенье,
повсюду я найду приют,
ни страх, ни страсти, ни сомненья
моё сознание не убьют:
в Любовь поверив,
а не в страх
пускай оно пребудет в Боге:
меня Он встретит на пороге
и душу взвесит на весах...

Не бойся смерти, сын природы,
когда Её услышишь глас:
Она - залог твоей свободы,
Она одна излечит нас
от демона обособленья,
от яда грешного в крови,
Она приносит нам спасенье
и возвращает нас к любви.
В своей юдоли невеселой
своим я судьбам властелин:
я – грешный сын Земли тяжелой
и неба звездного я сын.

* * *

Дождь тихо шелестит
по обветшалай крыше,
за маленьким окном
заброшенный покос,
«все глушь да тишина»,
лишь еле ели слышен
гудок на станции
и перестук колес...

Жизнь как у муравья,
дела едва ли лучше,
струится пот с лица,
и слышен детский плач,
без края и конца
ползут по небу тучи,

цепляясь за края
высоковольтных мачт...

Я и моя земля:
кому мы интересны?
подгнил еловый тес,
косится ветхий дом,
пустынные поля
покрылись мелким лесом,
а старый пруд зарос
болотным камышом...

И катится скорей
развесистое лето,
а ветер то замрет,
то мчит во весь опор,
так двадцать тысяч дней
промчались незаметно –
последний поворот,
последний коридор...

Душа моя, скажи,
когда ты постареешь?
Когда опустишь взор,
чтобы не падать ниц?
Прощальный коридор
в картинной галерее,
пейзажи, витражи,
и вереницы лиц...

Не потерять лица;

опять на сердце тихо,
а время - в суете,
в заботах ни о чём,
и это до конца,
где дверь со словом «Выход»
на каменной плите
с портретом и крестом...

Один ли в поле я?
Один ли я воюю?
за что, и для чего,
и долго ли ещё?
картонная семья,
друзья опять блефуют,
а те, кто большинство,
плюют через плечо...

Как узок этот путь,
как низки эти своды,
кругом сплошная гарь,
куда ни посмотри,
я так мечтал взглянуть
на Гения Природы,
но лезет злая тварь,
взрастая изнутри...

Рогатый, чёрный черт
с горящими глазами,
мой «чёрный человек»
тяжёлый как чугун,

из-под облезлых век
в зрачках рыжеет пламя,
он в мозг как дровосек
вонзает свой колун...

А кроткая душа -
ей нечем и прикрыться,
всё рвётся упорхнуть
от беспощадных лап,
она, едва дыша
хотела бы забыться,
чтоб заглушить в ушах
тупой звериный сап,

Дрожит душа моя
под каменным копытом,
то топчет, то замрет,
то вдруг навеет сон,
в котором грежу я
о чём-то неизжитом:
и я - уже не я,
и он - уже не он...

А бедная душа
всё дальше отлетает,
стремиться за порог,
за вечное крыльцо...
И вновь твоё лицо
из мрака проступает,
а вьюга, пороша,

полощется у ног...

* * *

Бродить с ружьём,
обманывать сорок,
высматривать тетёр
в еловых лапах,
вдыхать тяжелый,
можжевельный запах
и возвращаться к плёсу
точно в срок, -
к пролёту уток над зеркальной поймой,
и влёт палить пятёркой из ружья,
а утром -
просыпаться у ручья
в холодных росах,
и смотреть спокойно
на алый шар,
всплывающий из вод
и ждать,
когда зажжется небосвод
и сонмы звёзд утонут в море света,
сливаться с вечным торжеством рассвета....

Пискливый комариный хоровод,
напоминает вновь о жизни грешной
в постылой суматохе городов;
от суеты,
от нашей тьмы кромешной,

туман болот
и плеск речных порогов,
и светлый гомон птичьих голосов,
земля и воля,
тайный мир лесов,
уводят нас
под свист шальных ветров
в обитель неизведанного Бога.....

* * *

Зачем пугаться старости заранее,
бледнеть
и прятать зеркало от глаз?
Таинственная прелесть увяданья
не сразу раскрывается для нас...
Да, юность хороша в восторге глупом,
в честолюбивых планах и мечтах,
в счастливом сне,
когда неведом страх,
с которым мы склоняемся над трупом
того, кто рядом вместе с нами жил,
беседовал и оведал любовью,
мы смотрим
на безмолвный ряд могил
с холодными камнями в изголовье,
читаем необъятный ряд имён
всех тех, кто, мысля, проходил по свету,
кто обживал зеленую планету,

чтобы дать нам кров,
и пищу, и закон,
неужто бесполезны их старанья?

Не сразу раскрывает нам Господь
таинственную прелесть увяданья,
когда возрастает дух, но вянет плоть...

03.04.09